

Аркадий и Борис Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

Возможные задания школьникам.

Уважаемый читатель. Мы бы хотели предложить несколько заданий, которые помогут Вам осмыслить (пережить, продумать, прочувствовать и т.д.) прочитанное. Согласитесь, это важно, чтобы книга стала не просто «галочкой в списке», а значимым моментом Вашего жизненного самоопределения.

Все мы разные. Одним из нас нравится писать сочинения, другие предпочитают инструменты логического анализа, третьи – осмысливают чужой текст через музыку, живопись, движение; четвертые убеждены, что хорошая книга требует хорошей дискуссии; пятые – спешат поделиться сделанными открытиями с другими, шестые... Наверное, список любимых жанров можно продолжать еще долго. Главное, чтобы каждый из вас понимал: текст прочитан и осознан только тогда, когда он породил отклик читателя, то есть «текст должен порождать текст».

К каждой книге из этого списка мы предлагаем – как минимум – три вида заданий. Мы хотим, чтобы Вы и Ваши взрослые помощники в разработке и реализации этой читательской программы самообразования понимали, что право Выбора читателя – одно из важнейших прав разумного чтения. Книгу - как читатель - Вы уже выбрали, теперь – превратитесь в собрата Автора - выберите форму своего писательского отклика из предложенных нами жанров.

Кстати, Вы, конечно, можете изобрести и свой собственный жанр, если предложенные задания почему-то не вызовут отклика или вдохновения.

Предлагаем вам выполнить задания, собранные в рабочей тетради, сформированной для участников одной из научно-практических конференций.

«Рабочая тетрадь для читателей

НИИЧАВО нового поколения

По книге А.и Б.Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

«Я затормозил возле странного здания с вывеской «НИИЧАВО» между окнами.

– Что это означает? – спросил я. – Могу я, по крайней мере узнать, где меня вынуждают работать?

– Можешь, – сказал Роман. – Ты теперь всё можешь. Это Научно-Исследовательский Институт Чародейства и Волшебства...»

Рабочая тетрадь, которую вы держите в руках – ваш путеводитель по книге и ориентир в мире современных проблем развития науки. Приглашаем вас к совместным приключениям и размышлениям.

«Всё, чему мне случилось быть здесь свидетелем, не было мне совершенно незнакомым, о подобных случаях я где-то что-то читал и теперь вспомнил, что поведение людей,

попадавших в аналогичные обстоятельства, всегда представлялось мне необычайно, раздражающе нелепым. Вместо того, чтобы полностью использовать увлекательные перспективы, открывшиеся для них счастливым случаем, они пугались, старались вернуться в обыденное. Какой-то герой даже заклинал читателей держаться подальше от завесы, отделяющей наш мир от неведомого, пугая духовными и физическими увечьями. Я ещё не знал, как развернутся события, но уже был готов с энтузиазмом окунуться в них».

Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! – воскликнул горбоносый. – Программист! Нам нужен именно программист. Слушайте, бросайте ваш институт и пошли к нам!» – «А что у вас есть?» – «Что у нас есть?» – спросил горбоносый поворачиваясь. «Алдан-3», – сказал бородатый. «Богатая машина, – сказал я. – И хорошо работает?» – «Да как вам сказать...» – «Понятно», – сказал я. «Собственно, её ещё не отладили, – сказал бородатый. – Оставайтесь у нас, отладите...» – «А перевод мы вам в два счёта устроим», – добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» – спросил я. «Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим». – «Понятно, – сказал я. – Что-нибудь с космосом?» – «И с космосом тоже», – сказал горбоносый. «От добра добра не ищут», – сказал я. «Столичный город и приличная зарплата», – сказал бородатый негромко, но я услышал. «Не надо, – сказал я. – Не надо мерять на деньги». – «Да нет, я пошутил», – сказал бородатый. «Это он так шутит, – сказал горбоносый. – Интереснее, чем у нас, вам нигде не будет». – «Почему вы так думаете?» – «Уверен».

Согласны ли вы с утверждением, что наука занимается счастьем человеческим? И почему Александр Привалов тут же связал «счастье человеческое» с космосом?

А как бы звучал этот текст, если бы был написан в начале XXI века?

«За высоченным серым забором дома видно не было. Ворота были совсем уже феноменальные, как в паровозном депо, на ржавых железных петлях в пуд весом. Я с изумлением читал вывески. Их было три. На левой воротине строго блестела толстым стеклом синяя солидная вывеска с серебряными буквами:

НИИЧАВО

Изба на куриных ногах

Памятник соловецкой старины

На правой воротине сверху висела ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. №13, Н.К. Горыныч», а под нею красовался кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось:

КОТ НЕ РАБОТАЕТ

Администрация

– Какой КОТ? – спросил я. – Комитет Оборонной Техники?

Бородатый хихикнул.

– Вы, главное, не беспокойтесь, – сказал он. – Тут у нас забавно, но всё будет в полном порядке».

1) Говорят – «нарастание увлечения аббревиатурами – признак нарастания бюрократизации. Лучший способ – борьбы с бюрократами – смех. Предложите забавные расшифровки каких-либо устоявшихся аббревиатур (Например, ГОУ, УДО, ФГОС, УМК и других)

2) Как бы могли назвать НИИЧАВО в наше время.

«– Ага, – сказал я. – А телевизор вы, значит, всё-таки можете?

– Нет, – честно призналась шука. – Телевизор не могу. И этот... комбайн с проигрывателем тоже не могу. Не верю я в них. Ты чего-нибудь попроче. Сапоги, скажем, скороходы или шапку-невидимку... А?»

В чем, на ваш взгляд (и взгляд - Шуки) принципиальная разница между телевизором, проигрывателем и сапогами – скороходами? Как изменилось это понимание со временем?

«Рядом с трехэтажной громадой «Солрыбснабпромпотребсоюза ФЦУ» я, наконец, нашёл маленькую опрятную чайную №16/27. В чайной было хорошо. Народу было не очень много, пили действительно чай и разговаривали о вещах понятных: что под Коробцом завалился, наконец, мостик и ехать теперь приходится вброд; что пост ГАИ уже неделю как с пятнадцатого километра убрали; что «искра – зверь, слона убьёт, а ни шиша не схватывает...» Пахло бензином и жареной рыбой. Не занятые разговорами люди

пристально разглядывали мои джинсы, и я радовался, что сзади у меня имеет место профессиональное пятно – позавчера я очень удачно сел на шприц с солидолом».

Мы упомянули здесь Чайную №16/27 просто для того, чтобы вы знали – что это такое, и во время кофе-пауз и обедов – чуть-чуть отвлеклись от разговоров о науке.

«Итак, мы имели дело с так называемым неразменным пятаком в процессе его функционирования. Сам по себе факт неразменности не очень заинтересовал меня. Воображение моё было потрясено прежде всего возможностью внепространственного перемещения материального тела. Мне было совершенно ясно, что таинственный переход пятака от продавца к покупателю представляет собой не что иное, как частный случай пресловутой нуль-транспортировки, хорошо известной любителям научной фантастики также под псевдонимами: гиперпереход, репагулярный скачок, феномен Тарантоги... Открывающиеся перспективы были ослепительны».

А каковы открывающиеся перспективы? Предложите десять самых эффективных применений нуль-транспортировки в различных областях человеческой деятельности.

«В приёмной второй Янус Полуэктович запирает сейфы. Увидев меня, он сказал: «Так», и снова принялся позвякивать ключами. Это был А-Янус, я уже немножко научился различать их. А-Янус выглядел несколько моложе, был неприветлив, всегда корректен и малоразговорчив. Рассказывали, что он много работает, и люди, знавшие его давно, утверждали, что этот посредственный администратор медленно, но верно превращается в выдающегося учёного. У-Янус, напротив, был всегда ласков, очень внимателен и обладал странной привычкой спрашивать: «Я с вами не беседовал вчера?» Поговаривали, что он сильно сдал в последнее время, хотя и оставался учёным с мировым именем. И всё-таки А-Янус и У-Янус были одним и тем же человеком».

Если вы читали «Понедельник начинается в субботу», то конечно знаете, что У-Янус и А-Янус – это один и тот же человек, который из посредственного администратора превратился в выдающегося учёного.

Как вы думаете, может ли в реальности менеджер превратиться в учёного с мировым именем. А наоборот? Нужны ли такие превращения?

«Тут принёс ключи бакалавр чёрной магии Магнус Фёдорович Редькин, толстый, как всегда озабоченный и разобиженный. Бакалавра он получил триста лет назад за изобретение портков-невидимок. С тех пор он эти портки всё совершенствовал и совершенствовал. Портки-невидимки превратились у него сначала в кюлоты-невидимки, потом в штаны-невидимки, и наконец совсем недавно о них стали говорить как о брюках-невидимках. И никак он не мог их отладить. На последнем заседании семинара по чёрной магии, когда он делал очередной доклад «О некоторых новых свойствах брюк-невидимок Редькина», его опять постигла неудача. Во время демонстрации модернизированной модели что-то там заело в пуговично-подтяжечном механизме, и брюки, вместо того чтобы сделать невидимым изобретателя, вдруг со звонким щелчком сделались невидимы сами. Очень неловко получилось. Однако главным образом Магнус Фёдорович работал над диссертацией, тема которой звучала так: «Материализация и линейная натурализация Белого Тезиса как аргумента достаточно произвольной функции сигма не вполне представимого человеческого счастья».

Тут он достиг значительных и важных результатов, из коих следовало, что человечество буквально купалось бы в не вполне представимом счастье, если бы только удалось найти сам Белый Тезис, а главное – понять, что это такое и где его искать».

Как вы думаете, есть ли что-то общее между работой Магнуса Редькина и нанотехнологиями. Почему?

«В общем-то Редькин был неплохим человеком, очень трудолюбивым, очень упорным, начисто лишённым корыстолюбия. Он проделал громадную работу, собравши гигантскую коллекцию разнообразнейших определений счастья. Там были простейшие негативные определения («Не в деньгах счастье»), простейшие позитивные определения («Высшее удовлетворение, полное довольство, успех, удача»), определения казуистические («Счастье есть отсутствие несчастья») и парадоксальные («Счастливей всех шуты, дураки, сущеглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнью грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются»).

Магнус Фёдорович положил на стол коробочку с ключом и, недоверчиво глядя на нас исподлобья, сказал:

- Я ещё одно определение нашёл.
- Какое?– спросил я.
- Что-то вроде стихов. Только там нет рифмы. Хотите?
- Конечно, хотим, – сказал Роман.

Магнус Фёдорович вынул записную книжку и, запинаясь, прочёл:

Вы спрашиваете:

Что считаю

Я наивысшим счастьем на земле?

Две вещи:

Менять вот так же состоянье духа,

Как пенни выменял бы я на шиллинг,
И
Юной девушки
Услышать пенье
Вне моего пути, но вслед за тем,
Как у меня дорогу разузнала.

– Ничего не понял, – сказал Роман. – Дайте я прочту глазами.

Редькин отдал ему записную книжку и пояснил:

– Это Кристофер Лог. С английского.

– Отличные стихи, – сказал Роман.

Магнус Фёдорович вздохнул.

– Одни одно говорят, другие – другое.

– Тяжело, – сказал я сочувственно.

– Правда ведь? Ну как тут всё увяжешь? Девушки слышать пенье... И ведь не всякое пенье какое-нибудь, а чтобы девушка была юная, находилась вне его пути, да ещё только после того, как у него про дорогу спросит... Разве же так можно? Разве такие вещи алгоритмизируются?

– Вряд ли, – сказал я. – Я бы не взялся.

– Вот видите! – подхватил Магнус Фёдорович. – А вы у нас заведующий вычислительным центром! Кому же тогда?

– А может, его вообще нет? – сказал Роман голосом киноprovокатора.

– Чего?

– Счастья.

Магнус Фёдорович сразу обиделся.

– Как же его нет, – с достоинством сказал он, – когда я сам его неоднократно испытывал?

– Выменяв пенни на шиллинг? – спросил Роман.

Магнус Фёдорович обиделся ещё больше и вырвал у него записную книжку.

– Вы ещё молодой... – начал он.

Но тут раздался грохот, треск, сверкнуло пламя и запахло серой. Посередине приёмной возник Мерлин. Магнус Фёдорович, шарахнувшийся от неожиданности к окну, сказал: «Тьфу на вас!» – и выбежал вон».

Предложите собственное определение счастье, попробуйте поработать в разных жанрах.

«Трудовое законодательство нарушалось злостно и повсеместно, и я почувствовал, что у меня исчезло всякое желание бороться с этими нарушениями, потому что сюда в двенадцать часов новогодней ночи, прорвавшись через пургу, пришли люди, которым было интереснее доводить до конца или начинать сызнова какое-нибудь полезное дело, чем глушить себя водкою, бессмысленно дрыгать ногами, играть в фанты и заниматься флиртом разных степеней лёгкости. Сюда пришли люди, которым было приятнее быть друг с другом, чем порознь, которые терпеть не могли всякого рода воскресений, потому что в воскресенье им было скучно. Маги, Люди с большой буквы, и девизом их было – «Понедельник начинается в субботу». Да, они знали кое-какие заклинания, умели

превращать воду в вино, и каждый из них не затруднился бы накормить пятью хлебами тысячу человек. Но магами они были не поэтому. Это была шелуха, внешнее. Они были магами потому, что очень много знали, так много, что количество перешло у них, наконец, в качество, и они стали с миром в другие отношения, нежели обычные люди. Они работали в институте, который занимался прежде всего проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни, но даже среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чём именно смысл жизни. И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же. Каждый человек – маг в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других, когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова. И наверное, их рабочая гипотеза была недалеко от истины, потому что, так же как труд превратил обезьяну в человека, точно так же отсутствие труда в гораздо более короткие сроки превращает человека в обезьяну. Даже хуже, чем в обезьяну.

В жизни мы не всегда замечаем это. Бездельник и тунеядец, развратник и карьерист продолжают ходить на задних конечностях, разговаривать вполне членораздельно (хотя круг тем у них сужается до предела), а что касается узких брюк и увлечения джазом, по которым одно время пытались определять степень обезьяноподобия, то довольно быстро выяснилось, что они свойственны даже лучшим из магов.

В институте же регресс скрыть было невозможно. Институт предоставлял неограниченные возможности для превращения человека в мага. Но он был беспощаден к отступникам и метил их без промаха. Стоило сотруднику предаться хотя бы на час эгоистическим и инстинктивным действиям (а иногда даже просто мыслям), как он со страхом замечал, что пушок на его ушах становится гуще. Это было предупреждение. Так милицейский свисток предупреждает о возможном штрафе, так боль предупреждает о возможной травме. Теперь всё зависело от себя. Человек сплошь и рядом не может бороться со своими кислыми мыслями, на то он и человек – переходная ступень от неандертальца к магу. Но он может поступать вопреки этим мыслям, и тогда у него сохраняются шансы. А может и уступить, махнуть на всё рукой («Живём один раз», «Надо брать от жизни всё», «Ничто человеческое мне не чуждо»), и тогда ему остаётся одно: как можно скорее уходить из института. Там, снаружи, он ещё может остаться по крайней мере добропорядочным мещанином, честно, но вяло отработывающим свою зарплату. Но трудно решиться на уход. В институте тепло, уютно, работа чистая, уважаемая, платят неплохо, люди прекрасные, а стыд глаза не выест. Вот и слоняются, провожаемые сочувственными и неодобрительными взглядами, по коридорам и лабораториям, с ушами, покрытыми жёсткой серой шерстью, бестолковые, теряющие связность речи, глупеющие на глазах. Но этих ещё можно пожалеть, можно пытаться помочь им, можно ещё надеяться вернуть им человеческий облик...

Есть другие. С пустыми глазами. Достоверно знающие, с какой стороны у бутерброда масло. По-своему очень даже неглупые. По-своему немалые знатоки человеческой природы. Расчётливые и беспринципные, познавшие всю силу человеческих слабостей, умеющие любое зло обратить себе в добро и в этом неутомимые. Они тщательно выбривают свои уши и зачастую изобретают удивительные средства для уничтожения волосяного покрова. Они носят корсеты из драконьего уса, скрывающие искривление позвоночника, они закутываются в гигантские средневековые мантии и боярские шубы, провозглашая верность национальной старине. Они во всеуслышание жалуются на застарелые ревматизмы и зимой и летом носят высокие валенки, подбитые кожей. Они неразборчивы в средствах и терпеливы, как пауки. И как часто они достигают значительных высот и крупных успехов в своём основном деле – в строительстве светлого

будущего в одной отдельно взятой квартире и на одном отдельно взятом приусадебном участке, отгороженном от остального человечества колючей проволокой под напряжением...»

Если честно, для нас это очень важный отрывок. Попробуйте поразмышлять о сказанном. Форма? Любая! Кластер по тексту. Свободное эссе. Мемуарные зарисовки.

«Дело в том, что самые интересные и изящные научные результаты сплошь и рядом обладают свойством казаться непосвящённым заумными и тоскливо-непонятными. Люди, далёкие от науки, в наше время ждут от неё чуда и только чуда и практически не способны отличить настоящее научное чудо от фокуса или какого-нибудь интеллектуального сальто-мортале».

Предлагаем вам игру: попробуйте отличить настоящий научный текст от интеллектуального сальто-мортале. Угадайте, какой из этих текстов согласуется с современными научными парадигмами, какой – нет, а какой мы придумали сами.

«Этот вид наноструктур был представлен группой ученых из Michigan Inst. of Technology во главе с Энго Ваном (Engho Wang). Согласно их экспериментальным данным, кремнийполимерные ($\text{SiC}(\text{SO}_3)$) икосаэдры малой кривизны (КИМК) позволяют создавать материалы, намного превосходящие как природные, так и синтетические каучуки. «Полученное нами полимерное волокно» - заявляет господин Ван, - «превосходит все существующие аналоги по прочности и эластичности». Кроме того, благодаря тяжелофермионным соединениям на основе КИМК, оно практически не теряет эластичности при минусовых температурах».

Сергеев К. М. *Применение нанотехнологий в производстве резинометаллических шарнирных соединений*. http://www.nano-inf.ru/conf/01-10/Sergeev_4868240 (16.11.2010)

«Экспериментально, при намагничивании наряду с магнитным полем неотвратно возникает торсионное поле. Наличие торсионного поля у магнитов никогда не предполагалось и никогда, естественно, не учитывалось. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, если магнитное поле постоянного магнита не может оказывать и действительно не оказывает влияния на диамагнетик - воду, то его торсионное поле, поляризуя по спинам протонную подсистему воды, переводит воду в другое спиновое состояние, что и определяет изменение ее физико-химических свойств и меняет характер ее биологического действия».

Акимов А. Е. *Торсионное поле*. <http://metamir.wpdom.com/torsion.php> (05.12.2010)

«Впервые в 2007 году появились сообщения об использовании водорастворимых фуллеренов в качестве противоаллергических средств. Производные $(C_{60}(OH)_x)$ и $C_{60}(NEt)_x$ исследовались на человеческих тучных клетках (ТК) и базофилах периферической крови (БПК). В экспериментах *in vivo* (на живых организмах) введение 2нг/г ($2\text{нг}=2*10^{-9}\text{г}$ вещества на грамм веса мыши) производных фуллерена в мышей ингибирует анафилаксию (патологическую реакцию живого организма на введение чужеродных веществ), при этом токсического эффекта не наблюдается. Учитывая то, что для остановки анафилаксии требуются концентрации производных фуллерена в 400-300000 раз меньше, чем те, что вызывают токсический эффект, водорастворимые фуллерены в будущем могут быть применены в лекарственных препаратах против аллергии».

М.Е. Боздаганян. *Фуллерены и перспективы их применения в биологии и медицине.* // http://www.nanorf.ru/events.aspx?cat_id=223&d_no=1514 (17.11.2010)

«Проснулся я от боли и увидел рядом с собою мрачного бородатого комара, который старался запустить свой толстый, как авторучка, хобот мне в икру.

«Брысь!» – заорал я и стукнул его кулаком по выпученному глазу.

Комар обиженно заурчал и отбежал в сторону. Он был большой, как собака, рыжий с подпалинами. Вероятно, во сне я бессознательно произнёс формулу материализации и нечаянно вызвал из небытия это угрюмое животное. Загнать его обратно в небытие мне не удалось. Тогда я вооружился томом «Уравнений математической магии», открыл форточку и выгнал комара на мороз. Пурга сейчас же закрутила его, и он исчез в темноте. Вот так возникают нездоровые сенсации, подумал я».

1. Правильно ли был использован том «Уравнений математической магии»? Предложите иные действия, которые можно было бы произвести с этим томом, помимо прочтения и тщательного штудирования.

2. Приведите пример нездоровой сенсации, которая имела бы схожую с описанной природу.

Я человек неприхотливый. Мне всего-то и надо было, что бутерброд с докторской колбасой и чашку чёрного кофе. Не понимаю, как это у меня получилось, но сначала на столе образовался докторский халат, густо намазанный маслом. Когда первый приступ естественного изумления прошёл, я внимательно осмотрел халат. Масло было не сливочное и даже не растительное. Вот тут мне надо было халат уничтожить и начать всё сначала. Но с отвратительной самонадеянностью я вообразил себя богом-творцом и пошёл

по пути последовательных трансформаций. Рядом с халатом появилась бутылка с чёрной жидкостью, а сам халат, несколько помедлив, стал обугливаться по краям. Я торопливо уточнил свои представления, сделав особый упор на образы кружки и говядины. Бутылка превратилась в кружку, жидкость не изменилась, один рукав халата сжался, вытянулся, порыжел и стал подёргиваться. Вспотев от страха, я убедился, что это коровий хвост. Я вылез из кресла и отошёл в угол. Дальше хвоста дело не пошло, но зрелище и без того было жутковатое. Я попробовал ещё раз, и хвост заколосился. Я взял себя в руки, зажмурился и стал со всевозможной отчётливостью представлять в уме ломоть обыкновенного ржаного хлеба, как его отрезают от буханки, намазывают маслом – сливочным, из хрустальной маслёнки – и кладут на него кружок колбасы. Бог с ней, с докторской, пусть будет обыкновенная полтавская полукопчёная. С кофе я решил пока подождать. Когда я осторожно разжмурился, на докторском халате лежал большой кусок горного хрусталя, внутри которого что-то темнело. Я поднял этот кристалл, за кристаллом потянулся халат, необъяснимо к нему приросший, а внутри кристалла я различил вожделенный бутерброд, очень похожий на настоящий. Я застонал и попробовал мысленно расколоть кристалл. Он покрылся густой сетью трещин, так что бутерброд почти исчез из виду. «Тупица, – сказал я себе, – ты съел тысячи бутербродов, и ты неспособен сколько-нибудь отчётливо вообразить их. Не волнуйся, никого нет, никто тебя не видит. Это не зачёт, не контрольная и не экзамен. Попробуй ещё раз». И я попробовал. Лучше бы я не пробовал. Воображение моё почему-то разыгралось, в мозгу вспыхивали и гасли самые неожиданные ассоциации, и, по мере того как я пробовал, приёмная наполнялась странными предметами. Многие из них вышли, по-видимому, из подсознания, из дремучих джунглей наследственной памяти, из давно подавленных высшим образованием первобытных страхов. Они имели конечности и непрерывно двигались, они издавали отвратительные звуки, они были неприличны, они были агрессивны и всё время дрались. Я затравленно озирался. Всё это живо напоминало мне старинные гравюры, изображающие сцены искушения святого Антония. Особенно неприятным было овальное блюдо на паучьих лапах, покрытое по краям жёсткой редкой шерстью. Не знаю, что ему от меня было нужно, но оно отходило в дальний угол комнаты, разгонялось и со всего маху поддавало мне под коленки, пока я не прижал его креслом к стене. Часть предметов в конце концов мне удалось уничтожить, остальные разбрелись по углам и попрятались. Остались: блюдо, халат с кристаллом и кружка с чёрной жидкостью, разросшаяся до размеров кувшина. Я поднял её обеими руками и понюхал. По-моему, это были чёрные чернила для авторучки. Блюдо за креслом шевелилось, царапая лапами цветной линолеум, и мерзко шипело. Мне было очень неудобно.

Как это важно уметь представить, визуализировать образ, сказали бы сегодняшние психологи и менеджеры. Давайте проведем эксперимент – попробуйте визуализировать свой будущий дом, в котором бы хотелось жить. Классное помещение, в котором бы хотелось работать через год? Пять лет? Десять лет, которое должно было бы остаться в памяти? Ну, или – хотя бы – опишите хороший бутерброд, так чтобы его могли для вас приготовить.

Я, зевая, шёл по коридорам и гасил везде свет, пока не добрался до лаборатории Витьки Корнеева. Витька Выбегалловыми экспериментами не интересовался. Он говорил, что таких, как Выбегалло, нужно беспощадно передавать Хунте в качестве подопытных животных на предмет выяснения, не являются ли они летальными мутантами. Поэтому

Витька никуда не поехал, а сидел на диване-трансляторе, курил сигарету и лениво беседовал с Эдиком Амперяном. Эдик лежал рядом и, задумчиво глядя в потолок, сосал леденец. На столе в ванне с водой бодро плавал окунь.

– С Новым годом, – сказал я.

– С Новым годом, – приветливо отозвался Эдик.

– Вот пусть Сашка скажет, – предложил Корнеев. – Саша, бывает небелковая жизнь?

– Не знаю, – сказал я. – Не видел. А что?

– Что значит – не видел? М-поле ты тоже никогда не видел, а напряжённость его рассчитываешь.

– Ну и что? – сказал я. Я смотрел на окуня в ванне. Окунь плавал кругами, лихо поворачиваясь на виражах, и тогда было видно, что он выпотрошен. – Витька, – сказал я, – получилось всё-таки?

– Саша не хочет говорить про небелковую жизнь, – сказал Эдик. – И он прав.

– Без белка жить можно, – сказал я, – а вот как он живёт без потрохов?

– А вот товарищ Амперян говорит, что без белка жить нельзя, – сказал Витька, заставляя струю табачного дыма сворачиваться в смерч и ходить по комнате, огибая предметы.

– Я говорю, что жизнь – это белок, – возразил Эдик.

– Не ощущаю разницы, – сказал Витька. – Ты говоришь, что если нет белка, то нет и жизни.

– Да.

– Ну, а это что? – спросил Витька. Он слабо помахал рукой.

На столе рядом с ванной появилось отвратительное существо, похожее на ежа и на паука одновременно. Эдик приподнялся и заглянул на стол.

– Ах, – сказал он и снова лёг. – Это не жизнь. Это нежить. Разве Кощей Бессмертный – это небелковое существо?

– А что тебе надо? – спросил Корнеев. – Двигается? Двигается. Питается? Питается. И размножаться может. Хочешь, он сейчас размножится?

Эдик вторично приподнялся и заглянул на стол. Ёж-паук неуклюже топтался на месте. Похоже было, что ему хочется идти на все четыре стороны одновременно.

– Нежить не есть жизнь, – сказал Эдик. – Нежить существует лишь постольку, поскольку существует разумная жизнь. Можно даже сказать точнее: поскольку существуют маги. Нежить есть отход деятельности магов.

– Хорошо, – сказал Витька.

Ёж-паук исчез. Вместо него на столе появился маленький Витька Корнеев, точная копия настоящего, но величиной с руку. Он щёлкнул маленькими пальчиками и создал микродубля ещё меньшего размера. Тот тоже щёлкнул пальцами. Появился дубль величиной с авторучку. Потом величиной со спичечный коробок. Потом – с напёрсток.

– Хватит? – спросил Витька. – Каждый из них маг. Ни в одном нет и молекулы белка.

– Неудачный пример, – сказал Эдик с сожалением. – Во-первых, они ничем принципиально не отличаются от станка с программным управлением. Во-вторых, они являются не продуктом развития, а продуктом твоего белкового мастерства. Вряд ли стоит спорить, способна ли дать эволюция саморазмножающиеся станки с программным управлением.

– Много ты знаешь об эволюции, – сказал грубый Корнеев. – Тоже мне Дарвин! Какая разница, химический процесс или сознательная деятельность. У тебя тоже не все предки белковые. Пра-пра-праматерь твоя была, готов признать, достаточно сложной, но вовсе не белковой молекулой. И может быть, наша так называемая сознательная деятельность есть тоже некоторая разновидность эволюции. Откуда мы знаем, что цель природы – создать товарища Амперяна? Может быть, цель природы – это создание нежити руками товарища Амперяна. Может быть...

- Понятно, понятно. Сначала протовирус, потом белок, потом товарищ Амперян, а потом вся планета заселяется нежитью.
- Именно, – сказал Витька.
- А мы все за ненужностью вымерли.
- А почему бы и нет? – сказал Витька.
- У меня есть один знакомый, – сказал Эдик. – Он утверждает, будто человек – это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона.
- А почему бы, в конце концов, и нет?
- А потому, что мне не хочется, – сказал Эдик. – У природы свои цели, а у меня свои.
- Антропоцентрист, – сказал Витька с отвращением.
- Да, – гордо сказал Эдик.
- С антропоцентристами дискутировать не желаю, – сказал грубый Корнеев.
- Тогда давай рассказывать анекдоты, – спокойно предложил Эдик и сунул в рот ещё один леденец.

Вы не могли бы включиться в эту дискуссию? О чем бы вы предложили поговорить в продолжении?

«На углу двое юношей возились с каким-то механическим устройством. Один убежденно говорил: «Конструкторская мысль не может стоять на месте. Это закон развития общества. Мы изобретём его. Обязательно изобретём. Вопреки бюрократам вроде Чинушина и консерваторам вроде Твердолобова». Другой юноша нёс своё: «Я нашёл, как применить здесь нестирающиеся шины из полиструктурного волокна с вырожденными аминными связями и неполными кислородными группами. Но я не знаю пока, как использовать регенерирующий реактор на субтепловых нейтронах. Миша, Мишок! Как быть с реактором?» Присмотревшись к устройству, я без труда узнал велосипед».

Назовите социальный феномен, описанный в этом фрагменте? Как он влияет на развитие науки? Общества?

«Я почувствовал себя глупо. Было что-то унижительное в этом детерминизме, обрекавшем меня, самостоятельного человека со свободой воли, на совершенно определённые, не зависящие теперь от меня дела и поступки. И речь шла совсем не о том, хотелось мне ехать в Китежград или не хотелось. Теперь я не мог ни умереть, ни заболеть, ни закапризничать («вплоть до увольнения!»), я был обречён, и впервые я понял ужасный смысл этого слова. Я всегда знал, что плохо быть обречённым, например, на казнь или слепоту. Но быть обречённым даже на любовь самой славной девушки в мире, на интереснейшее кругосветное путешествие и на поездку в Китежград (куда я, кстати,

рвался уже три месяца) тоже, оказывается, может быть крайне неприятно. Знание будущего представилось мне совсем в новом свете...

– Плохо читать хорошую книгу с конца, не правда ли? – сказал Янус Полуэктович, откровенно за мной наблюдавший. – А что касается ваших вопросов, Александр Иванович, то... Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них... Вы это поймёте, – сказал он убедительно. – Вы это обязательно поймёте».

«Понедельник начинается в субботу» помимо «Послесловия и комментариев» состоит из трех историй: «Суета вокруг дивана», «Суета сует», «Всяческая суета» - что не совсем соответствует пафосу самоотверженной научной работы, которым пронизан текст. Как вы думаете, что имели в виду Стругацкие, давая частям книги такие названия?

«К достоинствам очерков можно отнести и то, что авторы дали институтские пейзажи с точки зрения новичка, а также не просмотрели весьма глубокого соотношения между законами административными и законами магическими».

Не секрет, что для ведения современной науки – не только магической, но и любой другой – необходимо административные законы знать: исследования стоят денег и требуют хорошего менеджмента. Воспитывать ученых в нашей стране умеют. Подумайте, что необходимо, чтобы воспитать грамотного администратора, который смог бы эффективно вести бизнес в сфере науки и высоких технологий.

Далее мы предлагаем вам **Словарь терминов (фрагмент)** из книги «Понедельник начинается в субботу»:

Авгуры – в Древнем Риме – жрецы, предсказывавшие будущее по полёту птиц и по их поведению. Подавляющее большинство из них было сознательными жуликами. В значительной степени это относится и к институтским авгурам, хотя теперь у них разработаны новые методы.

Анацефал – урод, лишённый головного мозга и черепной коробки. Обыкновенно анацефалы умирают при рождении или несколько часов спустя.

Бецалель, Лев Бен – известный средневековый маг, придворный алхимик императора Рудольфа II.

Вампир – см. вурдалак.

Василиск – в сказках – чудовище с телом петуха и хвостом змеи, убивающее взглядом. На са-мом деле – ныне почти вымерший древний ящер, покрытый перьями, предшественник первоптицы археоптерикса. Способен гипнотизировать. В виварии института содержатся два экземпляра.

Вервольф – см. оборотень.

Вурдалак – см. упырь.

Гарпии – в греческой мифологии – богини вихря, а в действительности – разновидность нежи-ти, побочный продукт экспериментов ранних магов в области селекции. Имеют вид больших рыжих птиц со старушечьими головами, очень неопрятны, прожорливы и сварливы.

Гидра – у древних греков – фантастическая многоголовая водяная змея. У нас в институте – ре-ально существующая многоголовая рептилия, дочь З. Горыныча и плезиозаврихи из озёра Лох-Несс.

Гном – в западноевропейских сказаниях – безобразный карлик, охраняющий подземные сокро-вища. Я разговаривал с некоторыми из гномов. Они действительно безобразны и действительно кар-лики, но ни о каких сокровищах они понятия не имеют. Большинство гномов – это забытые и сильно усохшие дубли.

Голем – один из первых кибернетических роботов, сделан из глины Львом Бен Бецалелем. (См., например, чехословацкую кинокомедию «Пекарь императора», тамошний Голем очень похож на на-стоящего.)

Перед вами словарь терминов, актуальных для Научно-Исследовательского Института Чародейства и Волшебства. Попробуйте создать аналогичный словарь для вашей школы.